

УДК 347.627(470.331)''1884/1914''(045)

*О.В. Ванюшина***«РАЗДЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СУПРУГОВ НЕ ДАЕТ ИМ ПРАВА ВОЗБУЖДАТЬ ИСК
О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА...»: РАЗВОДЫ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹**

В статье на основе неопубликованных архивных материалов исследуется проблема расторжения брака в Тверской губернии в конце XIX – начале XX вв. Описаны этапы бракоразводного процесса, представлена статистика разводов в Тверской губернии. Рассмотрены мотивы, побуждавшие как мужчин, так и женщин, решиться на такую нетрадиционную меру, как прекращение брака. В конце XIX – начале XX вв. официальные разводы в Тверской губернии, как и в целом в Российской империи, были весьма редким явлением. Увеличение количества дел о разводах наблюдалось после 1909 г. В условиях модернизации традиционного общества, количество разводов по причине супружеской измены за период с 1900–1914 гг. увеличилось в три раза по сравнению с предшествующим периодом 1884–1899 гг. И, наоборот, число разводов по причине ссылки в Сибирь, которая являлась основной причиной расторжения браков до 1900 г., сократилось более чем в два раза. Однако именно измена была наиболее сложнодоказуемым мотивом. При этом, даже личное признание вины и длительное раздельное проживание супругов не являлось поводом к официальному разводу. Между тем показания свидетелей, очевидцев событий, могли рассматриваться как веские основания для расторжения брака. Женщины реже обращались в консисторию с этой проблемой в отличие от мужчин. Автор делает вывод о несовершенстве бракоразводного законодательства конца XIX – начала XX вв., необходимости его реформирования и либерализации в соответствии с требованиями времени.

Ключевые слова: развод, семья, супружеские конфликты, Тверская губерния, церковь, семейное право.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-87-96

Тема семейно-брачных конфликтов, безусловно, актуальна в условиях современного демографического кризиса, переживаемого населением Российской Федерации, и существования в современном обществе острых социальных проблем, вызванных большим количеством распадов семей. В связи с этим закономерно возрастает интерес к проблеме расторжения брака в России в предшествующие периоды. Важное место занимает в этом аспекте исследование истории практики разводов в конце XIX – начале XX вв. на материалах регионального компонента.

Развод в Российской империи был большой редкостью. В дореволюционный период вопрос о подсудности бракоразводных дел и об основаниях или поводах к расторжению браков неустанно приковывал общественное внимание. Проблема реформирования бракоразводного процесса широко рассматривалась в работах юристов и профессоров церковного права [19; 9]. Среди исследований, где значительное место отведено рассмотрению практики разводов, следует, прежде всего, назвать С. П. Григоровского, не понаслышке знакомого с бракоразводным процессом в силу своей многолетней службы в Канцелярии Святейшего синода [7]. Проблема расторжения брака рассматривалась в работах В. Я. Максимова, В. В. Быховского [10; 4]. Это были первые сборники, изданные для оказания помощи при составлении просительной документации по данному роду дел, а также адресованные, главным образом, служащим духовных консисторий как практическое руководство к ведению бракоразводных процессов. В работах подробно описана законодательная база по вопросу развода и процедура бракоразводного процесса по всем основным и разрешенным основаниям. Анализ законодательства того периода позволил авторам сделать вывод о том, что поводы, предусмотренные к разводу, не отвечали жизненным требованиям. Так, Максимов писал: «Представители самых разнообразных партий и направлений сходятся во мнениях, что, безусловно, необходимо изъять бракоразводный процесс из ведения духовных судов и что предусмотренные в современном законодательстве поводы к разводу являются недостаточными и не отвечают жизненным требованиям» [10, с.9].

Проблема расторжения брака и тема сложившейся практики разводов представляют существенный интерес для современной российской науки при изучении истории семьи, положении женщины в семье. Можно выделить работы таких современных российских авторов, как: Н. Л. Пушкаревой

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10103.

[14; 16; 17], В. В. Белослудцевой [2], Т. Б. Котловой [8], Н. С. Нижник [15], А. В. Спичак [18] и др. Проблема разводов в традиционной крестьянской семье исследуется в работах З. З. Мухиной [12-14], В. Б. Безгина [1]. Вопрос ужесточения бракоразводных норм в XIX в., а также проекты реформ бракоразводного процесса рассматриваются в коллективной монографии «Женщина в православии: церковное право и российская практика» [3].

Однако история супружеских конфликтов и особенности бракоразводного процесса в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. пока остаются малоисследованными, а источниковая база нуждается в расширении. Без учета такого важного исторического источника, как первичные документы духовных консисторий, а именно в этих учреждениях и решались судьбы людей, в них подавались прошения о разводах и хранились просьбы о помощи в налаживании семейной жизни, мы не имеем полной картины истории семейных отношений, в частности супружеских конфликтов.

Цель статьи – на примере бракоразводных дел, сохранившихся в фонде Тверской духовной консистории, рассмотреть, что же побуждало людей решиться на такую крайнюю и нетрадиционную меру, как прекращение брака, изучить проблемы практической реализации института расторжения брака в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX вв., проанализировать сложности, с которыми сталкивались супруги, пожелавшие прекратить официальные отношения.

В дореволюционный период брак мог быть расторгнут только духовным судом. Разводы как средство решения внутрисемейных конфликтов не приветствовались. Устав духовных консисторий 1841 г. окончательно закрепил множество ограничений на расторжение брака. Среди разрешенных оснований были следующие: доказанное прелюбодеяние одного из супругов, физическая неспособность к супружескому сожитию, возникшая до брака, безвестное отсутствие супруга в течение пяти лет или ссылка на жительство в Сибирь с лишением всех прав состояния. Жестокое обращение и покушение на жизнь не рассматривались как повод к расторжению брака. Не допускались разводы и по взаимному согласию супругов. В XIX в. официальные разводы стали весьма редким явлением. Данные, представленные Б. Н. Мироновым, подтверждают редкость официальных разводов. Так, за 20 лет с 1867 по 1886 гг. состоялось 16945 разводов, по 847 разводов в год, за 8 лет – с 1905 по 1913 гг. – 23087 (2565 разводов в год). Коэффициент разводимости на 1000 чел. населения в 1867–1886 гг. равнялся 0,0014, в 1905–1913 гг. – 0,029 [11, с. 176].

Таблица 1

**Число браков, расторгнутых и признанных незаконными
и недействительными среди населения Тверской губернии за 1884-1914 гг.**

Период	Число браков, признанных незаконными и недействительными из-за вступления в брак						Число расторгнутых браков				Всего
	при жизни одного из супругов	в близком родстве	при сумасшествии одного из супругов	после осуждения на безбрачие	за обращением из иудейства в православие	по подложным документам	по неспособности к брачному союзу	по прелюбодеянию	по безвестному отсутствию	за ссылкой в Сибирь	
1884–1889	2	5					2	25	40	25	99
1890–1894	5	1					5	18	27	31	87
1895–1899	1						7	18	19	44	89
1900–1904	1	3			1		3	31	6	13	58
1905–1909				2			6	56		14	78
1910–1914		1	3	1		1	14	100	5	15	140
Итого, абс.	9	10	3	3	1	1	37	248	97	142	551
Итого, %	1,6	1,8	0,5	0,5	0,2	0,2	6,7	45,0	17,6	25,8	100,0

Анализ Всеподданнейших отчетов обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания позволил представить сведения о причинах разводов и признании браков недействительными среди населения Тверской губернии за период с 1884 по 1914 гг. [5] (табл. 1).

Приведенные данные показывают, что количество разводов в Тверской губернии, как в целом по империи, было незначительным. Так, в губернии с 1884–1914 гг. был расторгнут и признан незаконным и недействительным 551 брак (из них 524 развода и 27 браков признаны незаконными и недействительными), что в среднем составляло 18 браков в год. Между тем, начиная с 1909 г., можно отметить постепенный рост числа дел о расторжении брака.

Доминирующим основанием для расторжения брака в Тверской губернии в 1884–1914 гг. являлось прелюбодеяние (248 случаев или 45 %). Около 25,8 % (142 дела) составляли дела о разводе по причине ссылки одного из супругов в каторжные работы или на поселение, 17,6 % (97 дел) – по безвестному отсутствию. Менее распространенной причиной являлась «неспособность к супружеской жизни», которая составляла 6,7 % (37 дел).

Анализ отчетов позволил выявить, что в начале XX в. в Тверской губернии, как и в целом по империи, состав оснований для расторжения браков радикально изменился. Если до начала XX в. большая часть браков расторгалась по причине ссылки в Сибирь или безвестного отсутствия одного из супругов, то начиная с 1905 г. наблюдается устойчивая тенденция доминирования прелюбодеяния как основной причины расторжения браков. Так, если в 1895–1899 гг. число пар, расторгших брак по причине доказанного прелюбодеяния, составляло 18, то в 1910–1914 гг. – 100. Количество разводов по причине супружеской измены за период с 1900–1914 гг. увеличилось в три раза по сравнению с предшествующим периодом 1884–1899 гг. и составило 187 случаев или 71,1 % от общего числа разводов (в 1884–1899 гг. – 61 случай или 23,4 %). И, наоборот, число разводов по причине ссылки в Сибирь, которая являлась основной причиной расторжения браков до 1900 г., сократилось более чем в два раза (со 100 случаев до 42 или с 38,3 % до 16 %), по безвестному отсутствию – в 7,8 раза (с 86 до 11 или с 33 % до 4,2 %) (табл. 2) [5].

Таблица 2

Динамика расторжения браков среди населения Тверской губернии, 1884–1914 гг., %

Основания для расторжения брака	1884–1899 гг.	1900–1914 гг.
Неспособность к супружеской жизни	14	23
%	5,4 %	8,7 %
Прелюбодеяние	61	187
%	23,4 %	71,1 %
По безвестному отсутствию	86	11
%	33 %	4,2 %
За ссылкою в каторжные работы или на поселение	100	42
%	38,3 %	16 %
Итого, абс.	261	263

Бракоразводные процессы в Тверской губернии в конце XIX – начале XX вв. были во многом схожи с процессами среди населения Европейской России, но имели свои особенности. По данным Б. Н. Миронова, в 1905–1912 гг. в России супружеская измена являлась причиной развода в 97,4 % [11, с. 176], в Тверской губернии данный показатель был несколько ниже – 74,8 %. И, наоборот, безвестное отсутствие и ссылка в каторжные работы или на поселение являлись в Европейской России основанием для расторжения брака всего лишь в 0,3 % случаев, в Тверской губернии данный показатель значительно превышал общероссийский и составлял 16,8 %. Бракоразводные дела по причине неспособности к супружеской жизни в 1905–1912 гг. в Тверской губернии составляли 8,4 %, в России лишь 2,3 %.

Отмечено, что прелюбодеяние в изучаемый период было самым частым поводом для подачи прошений о прекращении брачного союза. Причем, женщины реже обращались в консисторию с этой проблемой в отличие от мужчин. Развестись по данной причине было сложно, тем более, что факт прелюбодеяния должен был быть доказан показаниями нескольких свидетелей, очевидцев событий

(ст. 249 Устава духовных консисторий (далее – Уст. Дух. Конс.)) [21] (данное абсурдное требование сохранялось вплоть до 1917 г.) Духовная консистория не расторгала брак в отсутствие убедительных доказательств. Между тем, С. П. Григоровский, будучи свидетелем множества бракоразводных процессов, очень сомневался в подлинности показаний свидетелей-очевидцев прелюбодеяния. «Это какой-то обстановочный водевиль, с заранее распределенными хорошо разученными ролями» – писал он [7, с. 45]. При этом, даже признание ответчиком своей вины и длительное раздельное проживание супругов не являлось формальным основанием для расторжения брака.

Так, в 1912 г. Тверская духовная консистория отказала крестьянину Старицкого уезда Н. Сугрбову в иске о расторжении брака, по недоказанности, пояснив, что Н. Сугрбов свидетелей не указал, удостоверение Волостного правления хотя и свидетельствует о раздельной жизни супругов, но точных данных, что истец в период времени зачатия рожденного ответчицею сына Михаила жил с нею раздельно и не имел свиданий, не имеется, и что собственное признание Прасковьи Михайловой в прижитии ею от лица стороннего сына Михаила, за силою 250 ст. Уст. Дух. Конс., не может быть принято в уважение [6, ф. 160, оп. 1, д. 32084, л. 47об].

Между тем, анализ архивных документов показывает, что дела, в которых «незаконнорожденность» ребенка подкреплялась личным признанием вины ответчицей и показаниями свидетелей, даже если последние не являлись очевидцами, имели шансы на положительное решение. Но это были скорее исключения. В таких случаях Духовная консистория самостоятельно принимала решение о том, насколько показания свидетелей можно считать достаточными для расторжения брака.

Если не удавалось примирить супругов через процедуру увещевания посредством местного священника, духовная консистория приступала к рассмотрению дела: допрашивали свидетелей, проводили процедуру судоговорения. Процедура бракоразводного процесса была сложной и длилась достаточно долгое время. По закону до 1904 г. в случае доказанного прелюбодеяния виновному запрещалось вступать в новое супружество. Наказание было смягчено законом 28 мая 1904 г., который внес изменения в ст. 253 Уст. Дух. Конс., и отменил осуждение на безбрачие лиц, виновных в нарушении супружеской верности. Согласно новой редакции ст. 253 Уст. Дух. Конс., вступить в новое супружество разрешалось после прохождения церковной епитимии, продолжительность которой зависела от степени виновности и раскаяния. В случае вторичного прелюбодеяния виновный осуждался на всегдашнее безбрачие [22].

Прошения о расторжении брака от женщин по причине «прелюбодеяния» мужей поступали в Духовную консисторию гораздо реже, но между тем такие случаи были. Истицами выбранных для анализа дел выступали дворянки, жены офицеров и чиновников, крестьянки. Во всех случаях, за исключением дела крестьянки, брак расторгнут в силу того, что два и более свидетелей смогли подтвердить факт прелюбодеяния. Истицы были грамотными и знали особенности бракоразводного законодательства, поэтому тщательно готовились отстаивать свои интересы, что нельзя сказать о крестьянках.

В бракоразводных процессах, за исключением дела крестьянки, интересы истиц представляли поверенные (для этого необходимо было предоставить медицинское свидетельство о причине болезни, по которой истица сама не могла присутствовать на судоговорении). Вероятно, что для женщины из высшего сословия было неприемлемо с моральной точки зрения обсуждать подобную ситуацию прилюдно.

В делах приводится подробное описание свидетельских показаний о самом акте прелюбодеяния. Ответчик давал согласие на допрос свидетелей, указанных его женой. Ответчики своей вины в прелюбодеянии не отрицали. В ответ на пастырские увещевания супруги примириться не соглашались (исключение – дело Вульф). Свидетели допрашивались по вопросным пунктам при полицейском управлении под присягой и при депутате с духовной стороны.

Как правило, на момент подачи прошений супруги проживали раздельно. В некоторых случаях достаточно долго (до 7 лет) и в разных городах. Женщины обращались с прошениями о расторжении брака из-за неоднократных случаев прелюбодеяния их мужей, длительной распутной жизни мужа, встреч с женщинами легкого поведения.

Так, жена потомственного дворянина В. В. Вульф в 1898 г. подала прошение в Тверскую духовную консисторию о расторжении брака по причине прелюбодеяния мужа. Истица представила двух свидетелей, в обществе которых ее муж Александр Гаврилович Вульф в марте 1897 г. проводил время и в присутствии которых Александр Вульф имел половое сношение с одной из приглашенных женщин легкого поведения, что они и подтвердили под присягой. В данном случае брак был расторг-

нут «на основании 253 ст. Уст. Дух. Конс., с дозволением Вере Вульф, как имеющей нестарые годы, вступить во второй брак и с осуждением Александра Вульфа на всегдашнее безбрачие и с преданием его на основании 77 правила Св. Василия Великого семилетней церковной епитимии» [6, ф. 160, оп. 1–2, д. 7652, л. 1, 138].

Также показателен в этом отношении бракоразводный процесс дворянки жены Титулярного Советника Михалины – Клементины Анастасиевны Шатской, которая в 1899 г. подала иск о разводе с мужем Николаем Николаевым Шатским по причине нарушения супружеской верности последним. На момент подачи иска супруги в течение 7 лет проживали раздельно. Свидетелями выступили сослуживцы ответчика по Московской полиции, которые были очевидцами акта измены Н. Н. Шатского с неизвестной им женщиной – брюнеткой в конце августа или начале сентября 1893 г. в квартире ответчика в Москве, что подробно описали в деле. Свидетели подтвердили, что Н. Н. Шатский известен им как человек «любящий удовольствия и веселую жизнь, постоянный поклонник женщин и человек, игнорирующий супружеские обязанности», что он «отличался веселым беззаботным нравом, любивший пожить в свое удовольствие, человек страстный, малосдержанный, постоянно вращающийся в кругу женщин, почему он и не мог быть хорошим семьянином» [6, ф. 160, оп. 1–2, д. 7822, л. 53–54]. Подобный брак подлежал расторжению с формулировкой: «брак расторгнут на основании 253 ст. Уст. Дух. Конс. с дозволением Михалине Шатской как имеющей не старые годы вступить во второй брак и с осуждением Николая Шатского на всегдашнее безбрачие и с преданием его на основании 77 правила Св. Василия Великого семилетней церковной епитимии» [6, ф. 160, оп. 1–2, д. 7822, л. 64].

Бракоразводные дела по причине «прелюбодеяния» длились достаточно долго. Духовная консистория не расторгла брак в отсутствие убедительных доказательств. Процедура бракоразводного процесса была сложной, требовала определенного уровня грамотности от истца. Между тем, имелись случаи положительного решения дела в пользу истца или истицы.

Второй по частоте причиной для расторжения брака в 1884–1914 гг. в Тверской губернии являлась ссылка в Сибирь, сопряженная с лишением всех прав состояния вследствие совершенного преступления (142 развода). При этом обратиться в духовную консисторию мог не только невиновный супруг, отказавшийся следовать в место водворения, но даже и сам ссыльный [21, ст. 225].

Неспособность к супружескому сожитию редко становилась официальной причиной расторжения браков. В Тверской губернии за период 1884–1914 гг. было зафиксировано 37 подобных случаев, что составляло 6,7 % от общего числа разводов. В. Я. Максимов в комментариях к законодательству о расторжении брака писал, что под неспособностью к брачному сожитию законом подразумевалась лишь физическая неспособность к совершению полового акта, «а посему всякие другие физические и нравственные недостатки», как сумасшествие, венерические болезни, «делающие супружеское сожитие невозможным, не принимаются за основание для расторжения брака» [10, с. 87], т. е. не относятся к данному понятию. Согласно ст. 242 Уст. Дух. Конс. данная категория дел могла быть начата только через три года после заключения брака, при чем, если неспособность началась до вступления в брак, а не случилась во время брака (ст. 243 Уст. Дух. Конс.). Об этих обстоятельствах необходимо было указать в прошении.

После подачи прошения супругам по постановлению Консистории делалось пастырское увещание на предмет того, желают ли они примириться. Как показывают архивные документы Тверской губернии, как правило, ответчики желали примириться и отрицали свою неспособность, тем самым пытаясь избежать осуждения на всегдашнее безбрачие и потерю работницы в доме, а истицы настаивали на разводе. Например, из заявления 1908 г. крестьянина Новоторжского уезда И. Александра на пастырские увещания следует: «...вступил я в законный брак с женою моею Любовию Васильевой по доброму согласию и никогда с нею не желал разлучаться; она самовольно оставила меня и не хочет жить со мною; если же она пожелает возвратиться ко мне, я готов принять ее и жить с нею в супружеском союзе до конца моего существования» [6, ф. 160, оп. 1–51, д. 13248, л. 12]. «Должен заявить Вам, что я желаю быть в браке с моею женою и к супружеству считаю себя способным», – указывал в своем отзыве на пастырские увещания крестьянин Бежецкого уезда А. Архипов.

В случае, если супруги не пожелали примириться, согласно ст. 244 Уст. Дух. Конс. истец должен был освидетельствован во Врачебном отделении Губернского правления, в которое Консистория обращалась с просьбой об этом. Анализ архивных документов показал, что в Тверской губернии процедура бракоразводных дел по неспособности имела свои особенности – допускалось проведение процедуры освидетельствования по месту жительства ответчика с последующим подтверждением

поставленного диагноза Совещательным присутствием врачебного отделения Тверского губернского правления.

Так, например, освидетельствование крестьянина Кашинского уезда Ванчуговской волости деревни Молевки М. Н. Орлова (Кобысова) проводилось при Кашинском уездном полицейском управлении в 1912 г., вследствие предписания Тверского губернского правления через приглашенных в местное полицейское управление кашинского уездного и городского врачей в присутствии помощника исправника [6, ф. 160, оп. 1–53, д. 13456, л. 44]. Совещательное присутствие Врачебного отделения Тверского губернского правления, рассмотрев результаты освидетельствования, «пришло к заключению, что означенный акт в научном отношении составлен правильно и в настоящее время не имеется никаких данных для признания Орлова неспособным к супружескому сожитию» [6, ф. 160, оп. 1–53, д. 13456, л. 44]. Далее, в законодательном порядке бракоразводное дело супругов Орловых – Кобысовых было направлено на заключение Медицинского Совета МВД для разрешения вопроса о добрачной неспособности Михаила Кобысова.

До 1904 г. решение по данному роду дел утверждалось Святейшим Синодом, а после – епархиальным начальством на основании отзыва Медицинского Совета. В зависимости от обстоятельств дела, освидетельствованию могла быть подвергнута и жена. В случае отказа жены от освидетельствования, дело закрывалось. Так, произошло в деле Архиповых и Кобысовых. «Медицинский Совет МВД, заслушав бракоразводное дело Кобысовых, признал необходимым освидетельствовать Марию Кобысову на предмет девственного или недевственного ее состояния. Мария Кобысова от освидетельствования отказалась, при этом дополнила, что она года три тому назад, живя в замужестве, лишилась невинности и в настоящее время подвергнуться освидетельствованию не желает».

Таким образом, анализ архивных документов показал, что развестись по данному роду дел было легче, чем по самому распространенному – прелюбодеянию потому, что единственным доказательством признавались результаты медицинского освидетельствования, не требовались показания свидетелей, не проводилась процедура судебного разбирательства.

Следующая легальная причина для расторжения брака – длительное безвестное отсутствие супруга. В Тверской губернии с 1884 по 1914 гг. по этой причине было расторгнуто 97 браков. Прошения по данному роду дел принимались во внимание в случае безвестного отсутствия супруга в течение 5 лет. Консистория обязана была удостовериться в том, что супруг действительно находится в безвестном отсутствии более пяти лет (поэтому многолетнее, но намеренное и известное отсутствие супруга не являлось поводом для открытия дела). Для этого через полицейские управления рассылались повестки родителям и родственникам пропавшего, а также всем лицам, которые могли иметь сведения о нем, наводились справки в административном порядке. В издаваемых от Святейшего Синода и рассылаемых во все приходы «Церковных Ведомостях» печатались объявления о возбужденном иске. Если по истечении года со времени напечатания объявления никаких сведений о пропавшем не поступало, консистория приступала к рассмотрению дела, и при условии отсутствия сомнений в безвестном отсутствии, выносила решение о расторжении брака.

Жестокое обращение и покушение на жизнь не рассматривались как повод к расторжению брака. Так, в фонде Тверской духовной консистории сохранилось дело 1899 г. по прошению крестьянки Ржевского уезда Мелании Ульяновой о расторжении брака с ее мужем из-за жестокого обращения с ней: «Причина, побудившая меня ходатайствовать о расторжении брака – буйное поведение моего мужа Алексея Григорьева <...> проживши с ним три недели, он нанес мне побои, которые я не могла вынести, <...> чрез пять дней он Григорьев вторично нанес мне Ульяновой сильнее прежних побои, от которых я была две недели больной. <...> По выздоровлению после побоев, я должна была разойтись с моим мужем не желая получить от него больше побоев, от которых я должна была или помереть или быть вечно калекой и не иметь куска хлеба» [6, ф. 160, оп. 1, д. 7852, л. 1].

Примечательно, что в подтверждение своих слов, Мелания Ульянова представила в Тверскую духовную консисторию положительное решение Ржевского уездного съезда по обвинению ее мужа. Между тем, Тверская духовная консистория, рассмотрев все факты, признала обращение Ульяновой о расторжении брака с мужем по жестокому его обращению с нею оставить без удовлетворения [6, ф. 160, оп. 1, д. 7852, л. 10–10об].

Следует отметить, что случаи обращения крестьянок по семейным вопросам в волостные суды и уездные съезды свидетельствуют о постепенной эмансипации женщин, изменении женского традиционного самосознания, в том числе самосознании женщин-крестьянок в конце XIX – начале XX вв.

Таким образом, фактическое отсутствие свободного развода давало полный простор насилию внутри семьи. В обществе велись дискуссии о необходимости либерализации бракоразводного процесса, хоты бы об увеличении поводов к нему. Главнейшим требованием современников было введение жестокого обращения и покушения на жизнь как поводов к расторжению брака. Преступления внутри семьи, самоубийства, отравления, увечья – это были факты российской действительности, порожденные семейным законодательством и фактическим бесправием женщин.

В определенной степени сложность бракоразводной процедуры приводила к практике двоеженства (вступления во второй брак при существовании первого). На жестокость приговора по данному роду дел обращали внимание сами судьи. Многобрачие влекло за собой уголовную ответственность по ст. 1554 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [20].

Примечательно, что судебный следователь Д. А. Скульский в своих мемуарах «Девять лет в судебном ведомстве» так характеризует дела о двоеженстве и двоемужестве (1554 ст.): «Можно безошибочно сказать, что по этого рода делам подвергались ссылке в Сибирь или отдаче в исправительное арестантское отделение наиболее нравственные и уважающие семейное начало люди. – В самом деле, кто мешал этим двоеженцам и двоемужикам, преступающим формальные нормы канонического права, «сожительствовав», вместо того, чтобы подвергать себя риску лишения прав со ссылкой в Сибирь или отдачей на несколько лет в арестантские роты?» [6, ф. 570, оп. 1, д. 901, л. 12]. Д. А. Скульский описывал хорошо ему известное московское дело о двоемужестве. Одна акушерка, служившая на фабрике, признала в вытащенном из воды трупe своего мужа и, получив «вдовый вид», вышла вторично замуж за фабричного конторщика. Через некоторое время объявился ее первый муж и, когда ему понадобился паспорт, он заявил о своем существовании в полицию, где указал, что был заранее подговорен женой оставить у проруби свои вещи с паспортом, чтобы был повод считать его покончившим жизнь. Несчастную женщину и ее первого мужа судили, лишили прав и подвергли ссылке в Сибирь. «Как хотелось сказать тогда судьям, – вспоминает Д. А. Скульский, – за что вы вынесли ей этот жестокий приговор? За то ли, что эта бедная трудящаяся женщина слишком уважала семейное начало, чтобы предпочесть ему свободную любовь...». «Присяжные, конечно, оправдали бы, – пишет Скульский, – ибо суровость наказания не отвечает жизненной логике, но для того-то «победоносцевщина» и поспешила предать 1554 ст. суду Особого Присутствия Палат, где приговора пишутся с мотивами и при наличности формальных признаков преступлений оправдательных приговоров судьям-чиновникам выносить не дозволено» [6, ф. 570, оп. 1, д. 901, л. 13–13об].

Таким образом, в общей сложности в конце XIX – начале XX вв. официальные разводы в Тверской губернии, как и в целом в Российской империи, были весьма редким явлением. Увеличение числа разводов наблюдалось после 1909 г., что свидетельствует о постепенной трансформации семейно-брачных отношений. В дореволюционный период разводы как средство решения внутрисемейных конфликтов не приветствовались, а законодательство предусматривало множество ограничений на расторжение брака, что приводило к полному простору насилия внутри семьи. Процедура бракоразводного процесса была достаточно сложной, длительной, требовала определенного уровня грамотности. В данной ситуации появилась практика «неофициальных разводов». Бракоразводное законодательство не отвечало требованиям времени. Современники вели дискуссии о необходимости либерализации бракоразводного процесса. Однако расширение поводов к разводу так и осталось на бумаге. В обществе рассматривались проекты реформирования бракоразводного процесса, в том числе вопрос о передаче бракоразводных дел в светский суд. Однако такое решение проблемы не устраивало церковь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безгин В.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносов, 2017. 248 с.
2. *Белослудцева В. В.* «Как же я могу жениться на тебе, когда я женат?»: о расторжении брака в Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского ун-та. История. 2020. Вып. 4 (51). С. 117–126.
3. *Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 704 с.
4. *Быховский В. В.* Брак, раздельное жительство супругов и развод. Москва: Типография В. М. Саблина, 1912. 284 с.
5. Всеподданейшие отчеты Обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православнаго исповедания за 1884–1914 гг. Петроград: Синодальная тип., 1884–1914.

6. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Фонд 160. Тверская духовная консистория; Фонд Р-570. Коллекция документальных материалов по истории Тверской губернии – Тверской области (воспоминания Д. А. Скульского).
7. Григоровский, С. П. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное производство. Историко-юридические очерки. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1911. 342 с.
8. Котлова Т. Б. Замужество и развод в жизни горожанки на рубеже XIX–XX вв. (по материалам центральных губерний России) // Адам и Ева. 2002. № 3. С. 154–172.
9. Красножен, М. И. Старые и новые законы о разводе. По поводу издания проекта нового Гражданского уложения. Юрьев: тип. В. Маттисена, 1904. 40 с.
10. Максимов В. Я. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий и о раздельном жительстве супругов, с разъяснениями Правительствующего сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего синода: Руководство к ведению бракоразвод. дел / сост. В. Максимов. Москва: Юрист, 1909. 428, ЛП с.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 547 с.
12. Мухина З. З. Разводы в русской крестьянской семье в пореформенной России: гендерный аспект // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 1. С. 49–63.
13. Мухина З. З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 736 с.
14. Мухина З. З., Пушкарева Н. Л. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после Великих реформ XIX в.) // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 3 (20). С. 43–55.
15. Нижник, Н. С. «Женитьба есть, а разженитьбы нет»: о проблеме расторжения брака в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (53). С. 27–33.
16. Пушкарева Н. Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120–134.
17. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 384 с.
18. Спичак А. В. Крестьянские разводы в документах Тобольской духовной консистории XIX – начала XX веков // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 1. С. 452–470.
19. Суворов Н. С. Замечания на проект положения о поводах к разводу, составленный Особым Совещанием при Святейшем Синоде. Москва: печ. А.И. Снегиревой, 1908. 55 с.
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н.С. Таганцевым. Издание 7, пересмотренное и дополненное. Санкт-Петербург, 1892.
21. Устав духовных консисторий. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1883.
22. Церковные ведомости. 1904. № 26.

Поступила в редакцию 12.12.2023

Ванюшина Олеся Викторовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
ФКУ «Научно-исследовательский институт информационных технологий ФСИН»
170100, Россия, г. Тверь, ул. Вагжанова, 17
E-mail: vanyushina_olesy@mail.ru

O.V. Vanyushina

“THE SEPARATE LIFE OF THE SPOUSES DOES NOT GIVE THEM THE RIGHT TO BRING A LAWSUIT FOR DISSOLUTION OF MARRIAGE...” ON THE ISSUE OF DIVORCES IN RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (BASED ON MATERIALS OF THE TVER PROVINCE)

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-87-96

Based on unpublished archival materials, the article examines the problem of divorce in the Tver province in the late 19th – early 20th centuries. The stages of the divorce process are described, and the statistics of divorces in the Tver province are presented. The motives that motivated both men and women to decide on such an unconventional measure as termination of marriage are considered. In the late 19th – early 20th centuries, official divorces in the Tver province, as well as in the Russian Empire as a whole, were very rare. An increase in the number of divorce cases was observed after 1909. In the context of the modernization of traditional society, the number of divorces due to adultery for the period from 1900–1914 increased three times compared to the previous period of 1884–1899 and, conversely, the number of divorces due to exile in Siberia, which was the main reason for the dissolution of marriages before 1900, decreased by more than two times. However, it was treason that was the most difficult to prove motive. At the same time, even a personal confession of guilt and prolonged separation of the spouses was not a reason for an official divorce. Mean-

while, the testimony of witnesses, eyewitnesses of the events, could be considered as valid grounds for the dissolution of the marriage. Women were less likely to contact the consistory with this problem, unlike men. The author makes a conclusion about imperfection of the divorce legislation of the late 19th – early 20th centuries, the need for its reform and liberalization in accordance with the requirements of the time.

Keywords: divorce, family, marital conflicts, Tver province, church, family law.

REFERENCES

1. *Bezgin V.* Povsednevnyj mir russkoj krest'yanki perioda pozdnej imperii [The everyday world of a Russian peasant woman during the late empire]. Moscow, "Lomonosov" Publ., 2017, 248 p. (In Russian).
2. *Belosludceva V.V.* «Kak zhe ya mogu zhenit'sya na tebe, kogda ya zhenat?»: o rastorzhenii braka v Permskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka [“How can I marry you when I’m married?”: about the dissolution of marriage in the Perm province at the end of the 19th – beginning of the 20th century] *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Perm University. History], 2020, issue 4 (51), pp. 117–126. (In Russian).
3. *Belyakova E.V., Belyakova N.A., Emchenko E.B.* Zhenshchina v pravoslavii: cerkovnoe pravo i rossijskaya praktika [Woman in Orthodoxy: church law and Russian practice]. Moscow, "Kuchkovo pole" Publ., 2011, 704 p. (In Russian).
4. *Byhovskij V.V.* Brak, razdel'noe zhitel'stvo suprugov i razvod [Marriage, separation and divorce]. Moscow, Printing house of V. M. Sablin, 1912, 284 p. (In Russian).
5. *Vsepoddanejšie otchety Ober-prokurora Svyatejšhago Sinoda po vedomstvu pravoslavnago ispovedaniya za 1884–1914 gg.* [The most humble reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of the Orthodox Confession for 1884–1914]. Petrograd, Synodal typ. Publ., 1884–1914 (In Russian).
6. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti (GATO) [State Archive of the Tver Region (SATR)]. Fond 160. Tverskaya dukhovnaya konsistoriya [Tver Spiritual Consistory]; Fond R-570. Kolleksiya dokumental'nykh materialov po istorii Tverskoj gubernii – Tverskoj oblasti (vospominaniya D. A. Skul'skogo) [Collection of documentary materials on the history of the Tver province – Tver region (memoirs of D. A. Skul'sky)]. (in Russian, unpublished).
7. *Grigorovskij S.P.* O razvode. Prichiny i posledstviya razvoda i brakorazvodnoe proizvodstvo. Istoriko-yuridicheskie ocherki [About divorce. Causes and consequences of divorce and divorce proceedings. Historical and legal essays]. St. Petersburg, Synodal Print. House, 1911, 342 p. (In Russian).
8. *Kotlova T.B.* Zamuzhestvo i razvod v zhizni gorozhanki na rubezhe XIX–XX vv. (po materialam central'nyh gubernij Rossii) [Marriage and divorce in the life of a city woman at the turn of the 19th–20th centuries (based on materials from the central provinces of Russia)]. *Adam i Eva* [Adam and Eve], 2002, no. 3, pp. 154–172 (In Russian).
9. *Krasnozhen M.I.* Starye i novye zakony o razvode. Po povodu izdaniya proekta novogo Grazhdanskogo ulozheniya [Old and new divorce laws. Regarding the publication of the draft of the new Civil Code]. Yuryev, Print. house of V. Matthiesen, 1904, 40 p. (In Russian).
10. *Maksimov V.Ya.* Zakony o razvode pravoslavnogo i nepravoslavnogo ispovedanij i o razdel'nom zhitel'stve suprugov, s raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego senata i cirkulyarnymi i separatnymi ukazami Svyatejšhago sinoda: Rukovodstvo k vedeniyu brakorazvod. del / sost. V. Maksimov [Laws on divorce of Orthodox and non-Orthodox confessions and on the separation of spouses, with explanations of the Governing Senate and circular and separate decrees of the Holy Synod: Guidelines for conducting of divorce cases]. Moscow, "Lawyer" Publ., 1909, 428, LII p. (In Russian).
11. *Mironov B.N.* Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia during the imperial period (18 – early 20 centuries)]. In 2 volumes. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2000, vol. 1, 547 p. (In Russian).
12. *Muhina Z.Z.* Razvody v russkoj krest'yanskoj sem'e v poreformennoj Rossii: gendernyj aspekt [Divorce in a Russian peasant family in post-reform Russia: a gender aspect]. *Vestnik Rossijskogo un-ta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: History of Russia], 2013, no. 1, pp. 49–63. (In Russian).
13. *Muhina Z.Z.* Russkaya krest'yanka v poreformennyj period (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Russian peasant woman in the post-reform period (second half of the 19th – early 20th centuries)]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2018, 736 p. (In Russian).
14. *Muhina Z.Z., Pushkareva N.L.* Zhenshchina i zhenskoe v tradicionnoj russkoj seksual'noj kul'ture (do i posle Velikih reform XIX v.) [Woman and feminine in traditional Russian sexual culture (before and after the Great Reforms of the 19th century)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Perm University. History], 2012, issue 3 (20), pp. 43–55. (In Russian).
15. *Nizhnik N.S.* «Zhenit'ba est', a razzhenit'by net»: o probleme rastorzheniya braka v Rossijskoj imperii [“There is marriage, but there is no dissolution”: about the problem of divorce in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2012, no. 1 (53), pp. 27–33. (In Russian).

16. *Pushkareva N.L.* Pozoryashchie nakazaniya dlya zhenshchin v Rossii XIX–XX vv. [Disgraceful punishments for women in Russia in the 19th – early 20th centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2009, no. 5, pp. 120–134. (In Russian).
17. *Pushkareva N.L.* Chastnaya zhizn' russkoj zhenshchiny: nevesta, zhená, lyubovnica (X – nachalo XIX v.) [The private life of a Russian woman: bride, wife, mistress (10 – early 19th century)]. Moscow, “Ladomir” Publ., 1997, 384 pp. (In Russian).
18. *Spichak A.V.* Krest'yanskie razvody v dokumentah Tobol'skoj duhovnoj konsistorii XIX – nachala XIX vekov [Peasant divorces in the documents of the Tobolsk spiritual consistory of the 19th – early 20th centuries]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2022, vol. 11, no. 1, pp. 452–470. (In Russian).
19. *Suvorov N.S.* Zamechaniya na projekt polozheniya o povodah k razvodu, sostavlennyj Osobym Soveshchaniem pri Svyatejshej [Sinode Comments on the draft regulations on the grounds for divorce, drawn up by the Special Meeting of the Holy Synod]. Moscow, A.I. Snegirev Publ., 1908, 55 p. (In Russian).
20. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1885 goda. Izdano N.S. Tagancevym. Izdanie 7, peresmotrennoe i dopolnennoe [Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885]. St. Petersburg, 1892 (In Russian).
21. Ustav duhovnyh konsistorij [Charter of spiritual consistories]. St. Petersburg, Synodal Print. House, 1883. (In Russian).
22. Tserkovnye vedomosti [Church Gazette], 1904, no. 26. (In Russian).

Received 12.12.2023

Vanyushina O.V., Candidate of History, Leading Researcher
Research Institute of information technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia
Vagzhanova st., 17, Tver, Russia, 170100
E-mail: vanyushina_olesy@mail.ru